

Чапурко Татьяна Михайловна

доктор политических наук,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
chapurko@mail.ru

Иващенко Наталия Павловна

соискатель кафедры
философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
тел.: (861) 290-13-35

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО НИГИЛИЗМА

Аннотация:

Содержание статьи раскрывает детерминанты политического нигилизма в современном российском обществе через оценку криминализации власти. Особое внимание в работе авторами уделяется тому, что политический нигилизм не может быть отделен от моральных выводов и перспективы политического действия (бездействия) в рамках существующего в стране политического поля. На практике указанные в Конституции РФ права нередко нарушаются, что становится одним из основных источников распространения в обществе политического нигилизма.

Ключевые слова:

понятие «политический нигилизм», криминализация общества, детерминанты.

Chapurko Tatyana Mikhailovna

Doctor of Politology, Candidate of Law,
professor of the chair of philosophy and sociology,
Krasnodar University of the Russian Ministry of
Internal Affairs
chapurko@mail.ru

Ivashchenko Natalia Pavlovna

post-graduate student of the chair of
philosophy and sociology,
Krasnodar University of Russian Ministry of
Internal Affairs
tel.: (861) 290-13-35

CRIMINALIZATION OF SOCIETY AS DETERMINANT OF POLITICAL NIHILISM

The summary:

Contents of the article reveals the determinants of political nihilism in contemporary Russian society through the evaluation of the criminalization of power. Special attention is given to the authors that political nihilism can not be separated from moral conclusions and perspectives for political action (or inaction) in the framework of existing in the country of the Political Field. In practice, referred to in of the Constitution of the Russian Federation law is often violated, it becomes a major source of the spread of political nihilism.

Keywords:

notion of "political nihilism", criminalization of society, determinants.

На сегодняшний день криминализация общества и системная коррупция как составная ее часть являются важнейшими детерминантами политического нигилизма. Происходит утрата доверия населения как к политической системе в целом, так и к конкретным представителям власти. Так, вышеуказанное формирует атмосферу политической аномии, о чем, в частности, И.М. Клямкин и Тимофеев Л.М. пишут как о «формировании своего рода теневого порядка, существующего параллельно официальному и во многом вопреки нему...» [1, с. 83, 206].

Достаточно показательно, что борьба с коррупцией в современной России превратилась в административный передел рынка. Так, «если антикоррупционные законы не работают, судебная система не работает и избиратели не могут излить свое негодование – если они даже не могут прогнать лодырей – депеши подействуют не больше, чем сплетни на вечеринке», – считает американский политолог Энн Эпплбаум [2]. Не случайно профессор лондонского Кингз-Колледжа Анатолий Ливен считает, что Россия – криминальное государство особого типа, и утверждает, что «федеральное правительство не несет главную ответственность за руководство политическим насилием. По большей части это дело рук местных боссов и других преступников, которых терпит высшее начальство». По мнению Ливена, демократия сама по себе не решит проблем России: во многих странах, например на Филиппинах, демократия сосуществует с коррумпированными и жестокими олигархиями. Зато верховенство закона – необходимое условие социально-экономического прогресса.

Сегодня в России государство само часто пренебрегает верховенством закона, и потому правительство не способно бороться с коррупцией и насилием. «Всякая эффективная антикоррупционная кампания рискует обрушить хрупкий существующий порядок», – считает цитируемый нами Ливен [3].

Одной из наиболее разрекламированных антикоррупционных мер стало введение публичного декларирования доходов чиновников. Однако, как свидетельствуют данные социологических опросов, россияне не верят декларациям представителей бюрократии и политиков. Только 1 % респондентов уверен, что в декларациях отражены все денежные средства и имущество госслужащих. Представления об уровне коррупции в обществе остаются стабильно высокими, причем, прежде всего, среди представителей власти. Опрос проведен 15–18 апреля 2011 г. Левада-Центром по стандартной выборке. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4 % [4]. Далее 88 % населения полагает, что ту или иную часть доходов чиновники скрывают. О том, что гражданам неизвестна большая их часть, чаще говорят москвичи (84 %), малообеспеченные россияне (82 %), молодые люди до 24-х лет и от 25-ти до 39-ти лет (по 80 %). В целом по стране, 77 % населения считают, что в декларациях указана «меньшая» и «ничтожно малая часть» от реальных доходов.

«В России инфляция ожиданий. В последние годы в политической повестке поднято сразу несколько крупных и острых тем – борьба с коррупцией, наведение порядка в правоохранительной системе, демократизация, – но ни одна из этих тем не получила и промежуточного разрешения. Дисбаланс между замахом и ударом, между публичным разогревом темы и ответными решениями слишком велик. Он не амортизируется политической системой, которая могла бы ввести существующие в обществе противоречия в рамки ответственной публичной политики. Эти противоречия все чаще проявляют себя на площадках, ответственности не предполагающих» [5].

Соответственно, первоочередной задачей является снижение связанного с системной коррупцией остроты институционального кризиса в целом до уровня более-менее приемлемого для государственной власти и населения. Иначе общество будет долгое время иметь дело с консервативным политическим дискурсом правящей элиты, для которого характерно сочетание: никаких реально решаемых институциональных проблем, связанных с модернизацией, никаких решений, ориентированных на повышение политической активности масс, никаких системных реформ.

15 апреля 2009 г. на заседании президентского совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека тогдашняя глава совета Э. Памфилова чуть не перечеркнула всю президентскую кампанию по публикации деклараций о доходах и собственности чиновников. Назвав обнародование деклараций «очень важным шагом в нужном направлении», она заявила, что к этому надо добавить контроль за достоверностью предоставляемых данных, ответственность за обман и сокрытие конфликта интересов. «Но еще важнее информация о том, где учатся и работают дети нашей элиты. Идут ли они служить в российскую армию по аналогии с внуками английской королевы, и готовы ли они вообще связать свое будущее с Россией. Собираются ли они здесь пускать свои корни или все-таки в Лондоне и еще где-то», – заявила она. «Многие организации просто предпочитают не регистрироваться, они ушли в полуполегалное существование. И в итоге даже те службы, которые со стороны государства должны взаимодействовать, в меньшей степени стали понимать, что происходит с гражданским обществом. Информация у них уменьшилась», – заявила она. После этого госпожа Э. Памфилова жестко ответила на призыв президента к НКО о взаимодействии с властью, в том числе и в борьбе с кризисом. По ее словам, поправки ввели «презумпцию виновности» НКО, породив «атмосферу недоверия между государством и общественными институтами», и пока закон не будет исправлен и отношения с НКО не будут строиться на взаимном доверии, партнерства не получится.

Директор российского отделения Transparency International Елена Панфилова пошла дальше. Она заявила, что «в России сложился глубочайший кризис доверия, когда мало того что общество не доверяет власти – власть не доверяет обществу», из-за чего в стране процветает коррупция. Для борьбы с ней госпожа Панфилова потребовала от президента вернуть инструменты гражданского контроля – «свободные конкурентные выборы и свободные средства массовой информации» [6].

Однако реальных шагов в указанном направлении так и не было предпринято.

Для политической культуры страны нехарактерна ненависть к коррупции, тем не менее, политики очень часто используют тематику борьбы с коррупцией в своих интересах, в первую очередь, стремясь повысить легитимность власти или же (в случае оппозиции, ее снизить). Как показывает практика, объявленная в стране антикоррупционная политическая линия пока не дает результатов, что еще больше усугубляет политическую аномию.

Выступая в 2010 г. с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ Д.А. Медведев сказал: «Нашей принципиальной задачей остается борьба с коррупцией. Считаю, что мы должны самым внимательным образом анализировать исполнение уже принятых решений и двигаться дальше. Опыт показывает, что даже угроза лишения свободы до 12 лет не удерживает взяточников. Представляется, что в ряде случаев экономические меры в

виде штрафов могут быть более продуктивны. Поэтому коммерческий подкуп, дача и получение взятки могут наказываться штрафами в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки. Фактически сформировался и такой вид преступного промысла, как посредничество во взяточничестве. Вокруг судов и других государственных органов, все это отлично знают, вьется множество проходимцев, заверяющих, что они знают, как решить любое дело, кому и сколько для этого «занести». Я считаю, что посредничество во взяточничестве, так же как и кратный размер штрафа, необходимо внести в уголовный закон» [7]. Известный отечественный политолог А.М. Старостин, изучая причины атрофии в современной России государственной власти и муниципального управления, пришел к выводу о значительном влиянии на указанные процессы коррупционных проявлений [8].

Важно отметить, что в обществе существует значительная прослойка граждан, которым выгодны коррупционные практики части чиновников. Выступая в Государственной Думе 20 мая 2009 г. министр юстиции А. Коновалов заявил, что более четверти населения страны заинтересовано в коррупции. «Социологические опросы показывают, что до 25 % опрошенных респондентов заинтересованы в сохранении положения дел, в частности, в сохранении коррупции, коррупционных схем и механизмов», – сообщил А. Коновалов. При этом министр уверен, что эта цифра занижена. По его мнению, «реально в России гораздо большее количество людей заинтересованы либо в том, чтобы уклоняться от несения наказания за совершенное нарушение закона путем взятки, либо в приобретении незаконных преференций через коррупционные схемы, либо смирились и довольствуются вымогательством взяток за совершенно законные и адекватные действия со стороны чиновников» [9].

Соответственно, при таких условиях вести речь о солидарности граждан в отстаивании своих прав не имеет смысла и коррупционные механизмы выступают в качестве инструмента решения личных проблем, что еще больше усиливает политический нигилизм.

Наибольшую угрозу для развития гражданского общества представляет коррумпированный государственный аппарат. Отсутствие разделения властей, постепенное взаимопроникновение власти и бизнеса означает, что не существует барьеров, которые бы сдерживали экспансию частных интересов государственных служащих, расширение их на области, лежащие вне их ведомственных компетенций.

Разрастаясь, коррупционный интерес все чаще входит в противоречие с общественными интересами. При этом не существует публичных механизмов разрешения конфликтной ситуации, так как суд все чаще встает на сторону властей предрешающих, а силы сторон заведомо неравны – коррумпированный чиновник может использовать в своих целях аппарат государственного принуждения (что часто и происходит).

В этой ситуации под угрозой оказывается как приобретенный опыт сотрудничества государства и гражданской сферы, так и возможность развития – а иногда и существования – различных общественных инициатив. Более того, возникновение конфликтов и невозможность их решения, большая вероятность дальнейшего обострения ситуации, обусловленные самой композицией власти, угрожают стабильности политической системы в целом [10]. Такой дискурс подрывает легитимность находящихся во власти лиц, а его воспроизводство ведет страну в тупик.

Принцип господства права – это не абстрактная ценность.

По этому поводу Я.Ю. Старцев отмечает, что «коррупция является опасным социально-негативным явлением, представляющим угрозу институтам государства и стабильности общественной жизни» [11, с. 137]. Учитывая масштаб распространения коррупции в стране, возникает необходимость формирования системы мер по ее преодолению [12, с. 358].

Справедливость в морально-этическом смысле и правовая государственность – вот те основы противодействия коррупции, без которых теряют смысл планы модернизации России. Очевидно, что для успеха модернизации крупные инвестиции должны быть сделаны для улучшения качества жизни, низкий уровень которой является одним из факторов политического нигилизма, однако коррупция душит предпринимательскую инициативу. «Признаем, что в условиях не снижающейся криминализации социально-экономической среды у граждан нашей страны исчезает главный стимул к любой здоровой предпринимательской, инновационной, социальной активности. И уж тем более – стимул к решению задач технологической, инфраструктурной, управленческой модернизации национальной экономики. Эти стимулы исчезают хотя бы (и прежде всего) потому, что огромная часть экономических и социальных результатов, получаемых личностью, предприятием, организацией, присваивается или просто уничтожается организованным криминалом. Признаем также, что в нынешней России, к нашему глубочайшему сожалению, криминал в силу многих причин организуется и самоорганизуется быстрее, нежели его социальные конкуренты, то есть слабые ростки здорового гражданского общества» [13].

Таким образом, транзитарная экономическая и политическая система приобретает качества системной криминальности.

Термином «транзитарная (от лат. *Transitus* – переход, прохождение) экономика» описывается современное состояние хозяйства России, в котором одновременно присутствуют и диалектически взаимодействуют три типа экономики: а) социалистической, то есть основанной на преобладании общественной формы собственности; б) переходной, то есть основанной на многоукладности и присутствии различных форм собственности; в) рыночной, строящейся на частной собственности, с тенденцией перерастания в постиндустриальное общество с социально ориентированным рынком [14].

По утверждению главы Росстата А. Суринова, «сегодня ненаблюдаемая экономика составляет примерно 16 % от ВВП. Но это без незаконных видов деятельности: без проституции, торговли наркотиками, без порнографии, контрафакта». Он пояснил, что за «серой» экономикой скрывается неформальный рынок труда и скрытая оплата труда: «по сегодняшним оценкам, там занято примерно 13 млн. человек, или 17–18 % экономически активного населения». В начале 2010 г. А. Суринов отмечал, что в тени находится примерно пятая часть экономики России. Доля теневой экономики стала расти, начиная с конца третьего квартала 2009 г., «когда начались кризисные явления, когда ухудшилась ситуация на рынке труда» [15].

Приведенные цифры свидетельствуют о низкой ответственности власти за снижение теневой экономики, негативно сказывающейся на восприятии населением государства как важнейшего экономического актора. Так, Н.Г. Ревягина, проводя исследования, обратила внимание на то, что причины коррупции как опасного социального явления лежат в самом укладе жизни, анализ которого требует вычленения отдельных аспектов экономического, политического, социально-психологического. По ее мнению, трагедийность сложившейся ситуации состоит в том, что «теневое право», право, порожденное отклоняющимся, в том числе коррупционным, поведением, приобретает весомость даже большую, чем сами формальные нормы» [16, с. 184].

В свою очередь, французский политолог Жак Сапир констатирует: «Если вы поддерживаете настоящую, а не формальную демократию, более равномерное распределение богатств и ресурсов, более справедливый доступ к образованию и здравоохранению посредством широкого предоставления этих общественных благ, если вы выступаете за усиление контроля за экономической деятельностью, которая способна нанести вред окружающей среде, за улучшение защиты от «природных» рисков, вызванных человеком, тогда да – вы на стороне прогресса» [17]. В данном контексте отмечает профессор Т.Я. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, что «в качестве задачи, стоящей перед политической экспертологией в рассматриваемой сфере, может стать разработка научно-методических основ противодействия коррупции. В этом направлении ученым предстоит разработать унифицированное нормативное определение понятия «коррупция», в том числе с учетом известного по документам ООН и Совета Европы международно-правового определения, согласно которому коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и группы лиц» [18, с. 48].

В целом понятие «коррупция» выходит за пределы взяточничества и охватывает также nepotизм и многочисленные формы незаконного присвоения публичных средств для частного использования [19, с. 94].

В условиях системной коррупции сверхконцентрация власти – действительно опасна, поскольку коррупционные проявления пронизывают все уровни государственного и муниципального управления, парализующий экономическую и социальную активность. Связанный с коррупцией политический страх приводит к уходу из общественной жизни со стороны отдельных граждан.

Другая форма политического действия – деятельность в политике, равно как и деятельность антикоррупционная, рассчитана на то, чтобы приобрести известность, популярность, а через это и деньги. При этом независимо от использования акторами указанных форм антикоррупционной деятельности связанный с политическим нигилизмом эффект практически не учитывается.

Таким образом, антикоррупционная пропаганда выступает в качестве своей антитезы, усиливающей в обществе политическую аномию.

В начале 2011 г. в одном из интервью президент РФ Д.А. Медведев, отвечая на вопрос журналистов, заметил: «Построенная за предыдущее десятилетие вертикаль власти в этом конкретном месте превратилась в круговую поруку. И такая ситуация, как нам кажется, была бы менее вероятна в условиях реальной политической конкуренции, которая служит и механизмом самоочищения общества, заметил: «Политическая конкуренция, безусловно, необходима, нечего даже обсуждать. Это такая прививка от авторитарных или тоталитарных тенденций, способ разрешения противоречий. И я согласен, что наличие конкурирующих сил, в конечном счете, оздоравливает ситуацию, но только в конечном счете. Вы привели пример с Кущевской, к сожалению»

нию, у нас есть примеры в других местах, где произошло сращивание власти с бизнесом, а бизнеса с криминалом. Но ведь в муниципалитетах зачастую на выборах идут активные баталии между различными кандидатами на должности мэра. Далекое не всегда «Единая Россия» побеждает, там побеждают и другие силы. В принципе, там политическая конкуренция на низовом уровне есть, но она не блокирует преступность, к сожалению. Конечно, конкуренция, если она проходит в законных рамках, не ослабит государство. Я считаю, что нам в принципе нужно двигаться в сторону общества, основанного на сбалансированном представительстве нескольких партий во власти. В конечном счете – сменяющих у власти друг друга, для того чтобы устранять проблемы текущей жизни» [20].

Тезис президента страны направлен на устранение детерминант политической иррациональности, негативно влияющих на рост аномии в обществе, все больше погружающемся в криминальную атмосферу.

Не случайно председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин, рассматривая проблему нарастающей криминализации российского общества, констатирует: «Увы, с каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», – не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах – в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее. А теперь давайте представим себе ситуацию, в которой прецеденты этого рода начинают превращаться в норму. Я не утверждаю, что такая ситуация уже оформилась. Но что будет в случае, если она оформится? Всем – и профессиональным экспертам, и рядовым гражданам – очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное. Допустить такое превращение мы не имеем права. Если произойдет нечто подобное, все наши мечты о справедливом, здоровом, демократическом, правовом обществе будут похоронены» [21].

Тот факт, что государство в России криминализировано, очевиден, поскольку бюрократия, чтобы хоть как-нибудь нейтрализовать связанные с системной коррупцией акторы, вынуждена создавать структуры, явно излишние для правового государства, в котором политическая аномия сведена к минимуму. В качестве иллюстрации приведем функционирование структур, подобных Совету по правам человека при Президенте РФ. Такой орган не нужен в нормальной ситуации, когда конфликтные ситуации разрешаются судом на основании строго соблюдения действующего законодательства. Поэтому снижение политического нигилизма приведет к изменению структуры государственных организаций.

В итоге можем говорить о том, что в постсовременной России не созданы важнейшие институты политического и социального развития, необходимые для вовлечения граждан в общественную жизнь, большие нарекания вызывает эффективность проведения судебной реформы и результаты противодействия системной коррупции – без которых сложно рассчитывать на результативное снижение уровня политического нигилизма. Растущий уровень коррупции и антидемократические тенденции угрожают стабильности страны, системная коррупция пропитала бюрократический аппарат и угрожает самой структуре общества, а растущий политический нигилизм становится одной из угроз национальной безопасности. Внутренние корпоративные нормы и правила специфической части государственной машины все больше становятся правилами для всей политической системы государства. Ответы обществу на имеющие признаки коррупционных деяний факты, может дать только инициированное властями публичное расследование с участием компетентных экспертов гражданского общества, что позволит гражданам поверить в эффективность антикоррупционной деятельности. Пока же низкая эффективность антикоррупционных мер только способствует росту политического нигилизма. В связи с чем необходимо перейти от декларативной борьбы с коррупцией к реальным действиям по выходу из порочного круга системной коррупции – созданию принципиально другой политической культуры.

Ссылки:

1. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М., 2000.
2. Applebaum A. Beware the WikiHype // The Washington Post. 2010. December 7.
3. Lieven A. How law may come to Russia // The Financial Times. 2010. 5 December.
4. Россияне не верят декларациям чиновников // Пресс-релиз Левада-Центра, 2011. 03 мая.
5. Быков П., Силаев Н. Искрит // Эксперт. 2010. № 45 (729).
6. Цит. по: Граник И. Дмитрий Медведев вернул права человекам // Коммерсантъ. 2009. 16 марта. № 68 (4123)

References (transliterated):

1. Klyamkin I.M., Timofeev L.M. Tenevaya Rossiya: ekonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie. M., 2000.
2. Applebaum A. Beware the WikiHype // The Washington Post. 2010. December 7.
3. Lieven A. How law may come to Russia // The Financial Times. 2010. 5 December.
4. Rossiyanе ne veryat deklaratsiyam chinovnikov // Press-reliz Levada-Tsentrа, 2011. May 03.
5. Bykov P., Silaev N. Iskrit // Ekspert. 2010. No. 45 (729).
6. Cit. by: Granik I. Dmitriy Medvedev vernul prava che-lovekam // Kommersant". 2009. March 16. No. 68 (4123)

7. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета (федеральный выпуск). 2010. 1 декабря. № 5350 (271).
8. Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003.
9. Цит. по: Министр юстиции выступил в Госдуме // Коммерсантъ. 2009. № 89 (4144) от 21.05.
10. Волков Д. Перспективы гражданского общества в России. Результаты отчета // Пресс-релиз Левада-Центра. 2011. 4 марта.
11. Старцев Я.Ю. Система государственного управления: политический анализ. Екатеринбург, 2008.
12. Артюхин О.А. Антикоррупционные аспекты формирования резерва управленческих кадров // Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне: опыт, проблемы, пути решения. Сб. докладов и тезисов всероссийской научно-практ. Конференции. 27–28 февраля 2009 г. Ростов н/Д, 2009.
13. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета (федеральный выпуск) 2010. 10 декабря. № 5359 (280).
14. Юрьев В.М. «Транзитарное хозяйство России: детерминизм экономических интересов». М., 1997.
15. Цит. по: Обратный отсчет // Российская газета. 2011. 1 марта.
16. Ревягина Н.Г. Формирование резерва эффективных управленческих кадров – организационные и образовательные механизмы // Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне: опыт, проблемы, пути решения. Сборник докладов и тезисов всероссийской научно-практической конференции 27–28 февраля 2009 г. Ростов н/Д, 2009.
17. Сапир Ж. Коррупция элит вскормила популизм // Русский журнал. 2011. 24 мая.
18. Правовые меры противодействия коррупции // Российского права. 2008. 30 сентября.
19. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2007.
20. Цит. по: Лысова Т., Косенко Н. «Политическая конкуренция необходима», – Дмитрий Медведев, президент России // Ведомости. 2011. 26 января. № 12 (2778).
21. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета: Федеральный выпуск. 2010. 10 декабря. № 5359 (280).
7. Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya gazeta (federal'niy vypusk). 2010. December 1. No. 5350 (271).
8. Starostin A.M. Effektivnost' deyatel'nosti administrativno-politicheskikh elit: kriterii otsenki i analiz sostoyaniya v sovremennoy Rossii. Rostov n/D, 2003.
9. Cit. by: Ministr yustitsii vystupil v Gosdume // Kommersant". 2009. No. 89 (4144) ot 21.05.
10. Volkov D. Perspektivy grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Rezul'taty otcheta // Press-reliz Levada-Tsentra. 2011. March 4.
11. Startsev Y.Y. Sistema gosudarstvennogo upravleniya: politicheskiy analiz. Ekaterinburg, 2008.
12. Artyukhin O.A. Antikorruptsiionnye aspekty formirovaniya rezerva upravlencheskikh kadrov // Gosudarstvennaya politika po formirovaniyu rezerva upravlencheskikh kadrov na regional'nom urovne: opyt, problemy, puti resheniya. Sb. dokladov i tezisov vserossiyskoy nauchno-prakt. konferentsii. 27–28 fevralya 2009 g. Rostov n/D, 2009.
13. Zor'kin V. Konstitutsiya protiv kriminala // Rossiyskaya gazeta (federal'niy vypusk) 2010. December 10. No. 5359 (280).
14. Yur'ev V.M. "Tranzitarnoe khozyaystvo Rossii: determinizm ekonomicheskikh interesov". M., 1997.
15. Cit. by: Obratniy otschet // Rossiyskaya gazeta. 2011. March 1.
16. Revyagina N.G. Formirovanie rezerva effektivnykh upravlencheskikh kadrov – organizatsionnye i obrazovatel'nye mekhanizmy // Gosudarstvennaya politika po formirovaniyu rezerva upravlencheskikh kadrov na regional'nom urovne: opyt, problemy, puti resheniya. Sbornik dokladov i tezisov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27–28 fevralya 2009 g. Rostov n/D, 2009.
17. Sapir J. Korruptsiya elit vskormila populizm // Russkiy zhurnal. 2011. May 24.
18. Pravovye mery protivodeystviya korruptsii // Rossiyskogo prava. 2008. September 30.
19. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii (sotsiologicheskii analiz). M., 2007.
20. Cit. by: Lysova T., Kosenko N. «Politicheskaya konkurentsia neobkhodima», – Dmitriy Medvedev, prezident Rossii // Vedomosti. 2011. January 26. No. 12 (2778).
21. Zor'kin V. Konstitutsiya protiv kriminala // Rossiyskaya gazeta: Federal'niy vypusk. 2010. December 10. No. 5359 (280).